

УДК 821.161.1

**СУДЬБА РОМАНА КАК ЖАНРА В XX ВЕКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
СБОРНИКА ЭССЕ ДЖ.ФАУЛЗА "КРОТОВЫЕ НОРЫ")**

Федосова О.Е.

Научный руководитель к. фил. н., доцент Андреева С.А.

Сибирский федеральный университет

Одной из главных фигур постмодернистской литературы второй половины XX века является Джон Фаулз (John Fowles, 1926-2005) – современный английский писатель, оцениваемый некоторыми критиками как «самый интересный и важный талант послевоенного периода». Произведения Фаулза – романы, повести, рассказы, эссе. Самые яркие эссе собраны в сборнике «Кротовые норы» ('Wormholes', 1998). Книга представляет эволюцию взглядов писателя на литературное творчество, на то, как литература соотносится с жизнью и нравственностью, взглядов, постепенно меняющихся на протяжении зрелого и плодотворного периода его творчества. Данная книга стала объектом нашего исследования.

Двадцатый век оказался тяжелым испытанием для литературы. Развитие науки и техники, появление и популяризация кинематографа и телевидения губительно повлияли на развитие всех литературных форм, в большей степени, по мнению Фаулза, пострадал роман.

«Дело в том, что в последние пятьдесят лет роман вытесняется из жизни. Обстоятельства навязывают нам вытеснение романа. Романисты не виноваты. В XVIII, как и в XIX веке роман совсем недалеко – лишь на один шаг – ушел из жизни. Однако с пришествием кино, телевидения и звукозаписи он отступил уже на два шага». Кинематограф способен повествовать о вещах намного быстрее романа. Современному обществу теперь становится «скучно читать, скучно писать», так как внешний облик, движения персонажей, атмосферу действия в кино увидеть можно в несколько раз быстрее, намного красочнее. Роман теряет новизну, он становится калькой иных форм изображения жизни. Если роман хочет остаться действующим и живым, то ему, считает Фаулз, «в один прекрасный день придется сузить свои рамки, описывая лишь то, что другие записывающие системы зафиксировать не могут». Ему придется снова обрести оригинальную мысль, которую ни одно средство массовой информации не сможет повторить.

В эссе «Заметки о неоконченном романе» Фаулз входит в одностороннюю полемику с Аленом Роб-Грийе – французским прозаиком, основным идеологом *pouveau*

roman – нового романа, который в работе «О новом романе» («Pour un nouveau roman», 1963) «сводит задачи романа всего лишь к поиску новых форм, в то время как не менее важны и другие задачи – развлекать, изображать сатирически, описывать новые восприятия, отражать жизнь, изменять ее к лучшему и прочее». Фаулз противостоит этому мнению, утверждая, что роман все еще остается свободной формой. Именно благодаря своей внешней свободе, он способен помочь читателю постичь внутреннюю свободу не только его самого, но и окружающего общества в целом.

«Взяться за писание романа в 1964 году значило постоянно каждым нервом своим ощущать, что вторгаешься на чужую территорию, в чужие владения, прежде всего – во владение кино». Распространение кинематографа мгновенно приобрело огромные масштабы, завладев не только внешними материальными формами передачи информации, но даже и воображением людей. Одна из важнейших проблем разрушения романа – кинематографическое воображение писателей. Исчерпанность культуры, невозможность создания чего-то нового, ощущение, что «очень многое в писании романа становится – или кажется, что становится, - скучным переводом не сделанного еще фильма в слова».

«К сегодняшнему дню я посмотрел примерно две с половиной тысячи фильмов, не считая телевидения. Как может столь часто повторяющийся опыт не оставить неизгладимого отпечатка на самой форме нашего воображения?», - пишет Фаулз в эссе «Заметки о неоконченном романе». Кино проникает не только в окружающую жизнь, но и в воображение, в восприятие этой жизни. Новый способ описания жизни – кинематографический – меняет и былые способности восприятия ее человеком, но в большей степени писателем. Роман способен стать копией кинофильмов из-за того, что самосознание людей из индивидуального, уникального превращается в сумму визуализированных «текстов».

Кинематограф, став развлечением масс, перенес развлекательный интерес и в литературу. «"Роман развлекательный" - вариант старого плутовского романа, написанного в стиле фальшивого современного рококо. Я не виню авторов таких романов – во всяком случае, не так уж сурово <...>». Винить нужно, считает писатель, обозревателей и журналистов, телевизионщиков и газетчиков, ведь именно они – люди, имеющие отношение не только к литературе, но и к средствам массовой информации, «возвели развлекательность в ранг великого мерила литературной ценности», тем самым современный роман начинает терять свои былые задачи: донести до

человечества идеалы, воспитать и пр. Современный роман теряет и свою главную задачу – проповедовать.

«Я не разделяю всеобщего пессимизма по поводу так называемого конца романа», - говорит писатель. На сегодняшний день роман приобрел «культовый статус для меньшинства». Но мало кто осознает, что роман всегда и являлся «культом для меньшинства», большинство же находило иные формы и средства развлечения. Искусство на протяжении всего времени своего развития подвергалось двойному кодированию – разделению на меньшинство и большинство, элитарность и массовость.

«Фактически нужно лишь написать киносценарий, чтобы обнаружить, какими огромными неотчуждаемыми владениями по-прежнему обладает роман, как бесчисленны формы человеческого опыта, которые можно описать лишь в романе и средствами романа». Кинематограф, меняя воображение зрителя, делает его одинаковым, подавляя субъективность, заглушая «отклик индивидуальной визуальной памяти». Читая роман, каждый «зритель» способен создать свой неповторимый образ. В литературе существует сотрудничество между читателем и писателем, которого нет в кино. Писатель лишь предлагает идею, читатель же ее конкретизирует, воспринимает, ощущает так, как хочет, как считает нужным. Такова, по мнению Фаулза, «привилегия словесной формы». Завладеть этой способностью соучастия читателя кинематограф пока не может, что не позволяет ему в полной мере узурпировать роман. И пока текст будет уходить от любого рода авторитарности (свойственной кинематографу), пока читатель будет принимать роль соавтора, романная форма будет востребована и жива.

Есть две точки зрения на противостояние кинематографа и романа: «либо роман, а с ним вместе и вся культура печатного слова отживает свой век, либо наш век – увы! – в чем-то печально слеп и мелок». Выбор способен сделать только потребитель – зритель или читатель. Писатель настоятельно рекомендует современному еще потребителю-читателю насторожиться. Его должно «встревожить это всезнающее презрение к печатному слову, столь широко распространенное среди профессиональных патологоанатомов, препарирующих литературу». И исход один: «Нам нужно хирургическое вмешательство, а не анатомическое вскрытие. Тело умирает не только тогда, когда удаляют мозг: если вырвать сердце, результат будет тот же».